

ВЕТЕР МЕЧТЫ

MYSTIC & FICTIONS

А Л Е Н А Д А Р К И Н А

РУГАРУ

A decorative graphic consisting of two horizontal, wavy lines that curve upwards at their ends, framing the text. The top line is slightly higher than the bottom line, creating a central space for the text.

ВЕТЕР МЕЧТЫ
MYSTIC & FICTION

Родилась в зимнюю полночь в Волгограде в 1974 году. Окончила филологический факультет ВолГУ. В школе влюбилась в Ф. М. Достоевского и пронесла эту любовь через всю жизнь. Работает учителем, потому что, кажется, неплохо получается. Любит подшучивать над собой, а еще детей, людей и жизнь. Начала писать, потому что наткнулась на цитату: «Зачем читать чужие книги, если можно написать свою?».

Алена Даркина

РУГАРУ
(БЕГЛЫЙ
КАТОРЖНИК)

Москва, 2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44
М17

Составитель серии — Иар Эльтеррус
Художественное оформление серии: Илья Викторов

Даркина А.

М17 Ругару (Беглый каторжник). Роман. — М.: ИД «Городец», 2021. — 438 с. — («Mystic&Fiction» — «Ветер мечты»).

Наша Земля — каторга для отбывающих на ней наказание иномирян. Странно, но факт. Впрочем, обычные люди об этом обстоятельстве и не подозревают, живя своей жизнью. А вот у надзирателей полно работы, ведь многие из каторжан считают, что осудили их не заслуженно, поэтому хотят отомстить людям. И нужно их как-то остановить...

Посвящается моим друзьям: Ворошиловой Ларисе, Дроздову Игорю, Чехиной Ирине — тем, кто снова и снова убеждал писать, когда мэтры пинали меня ногами.

Особая благодарность безумно терпеливому консультанту, объяснявшему мне тонкости работы правоохранительных органов, — Павлу Ганже — http://samlib.ru/g/ganzha_p_a/

Все имена вымышлены, все совпадения — результат случайного вылета в астрал.

Даром что ли смерть приходит к людям,
Когда ждут они совсем другую,
Не такую старую и не такую злую?..

И. Калинин
«Именины смерти» («Високосный год»)

ЧАСТЬ I.
ДО КРАЖИ

Пролог

Они все равно меня убьют, ты же зна-
ешь. Врагов не отпускают... — ее тонень-
кая, подростковая фигурка чуть свети-
лась в темноте камеры. Эльфийка. Грязная, исхудавшая,
голодная, но светится. — Ты ведь не такой, как они, прав-
да? — она села рядом, а на матрасе, брошенном на жест-
кие доски нар, вмятины не появилось — настолько она
легкая. Тонкие пальчики еле ощутимо дотронулись до его
плеча. — Не такой? — настойчиво спрашивает Лаэр-
тель.

Хотел бы он сказать, что нет! Только чем он отлича-
ется? Только тем, что протащил ее через страну, через
заставы, то штурмуя милицейские посты, то ползком
на брюхе меся грязь? Да ведь билось в нем только одно:
какая она желанная, эта хрупкая девочка. У нее едва-ед-
ва грудь наметилась, а он думает, как ее под себя уло-
жить. Даже сейчас думает, и от этого стыдно и жар-
ко одновременно.

А она — наивное дитя — перебирает пальчиками и до-
трагивается до щеки. Это не прикосновение. Это как ее
легкое дыхание на задубевшей от ссадин коже.

Он вскакивает и уходит в дальний угол камеры, при-
жимается лбом к холодной бетонной стене.

— Что мне сделать для тебя? — глухо спрашивает он,
справившись с собой. — Что я могу сделать?

Лаэртель в один миг оказывается рядом, тонкие руки на самом деле очень сильные, она легко разворачивает его к себе, смотрит в глаза.

«Отнеси камень моим братьям», — она не произносит это вслух — губы не дрогнули. Ее слова возникают в его мыслях, перетекают прямо из девушки в него.

«Как? Я тоже в тюрьме! Кто меня выпустит?» — точно так же отвечает он.

«Выпустят. Скажут, что ты жертва, что я тебя околдовала и выпустят. Под следствием будешь, но это же не тюрьма, и не... смерть...»

«Ты не можешь... не должна... умереть!»

Сердце заходится от боли, а Лаэртель вдруг прижимается к его губам — это благодарность за его переживание, которое она тоже почувствовала. Девушка снова пристально всматривается.

«Пожалуйста, отнеси им камень. Неужели моя смерть будет настолько бессмысленной?»

«Я даже не знаю, где он!» — в отчаянии восклицает он внутри себя.

«Здесь... — узкая ладонь прижимается к груди слева. — Но я отдам его тебе».

Он не понимает, а она уже стягивает с него майку. И прижимается всем телом. А когда его легкие будто протыкает раскаленным прутком, снова целует, вбирая в себя его крик...

Слежка

Зинаида остановилась возле киоска, где продавалось очень вкусное, почти домашнее молоко, и «полюбовалась» на отражение в витрине. Все как обычно: немолодая женщина с безумно усталым лицом в дешевой кофточке и слегка потертых брюках. Давно бы пора купить новые, но нет денег. Зарплаты хватает только чтобы заплатить за съемную квартиру и кое-как протянуть месяц. Сын — балбес двадцати двух лет — никак не желает ни работать, ни учиться, только тянет деньги, да покрикивает: «Опять дома ничего нет?»

«Ну не может же все время быть так плохо?! — с горечью воскликнула она про себя. — Сколько можно биться об лед?»

По правде говоря, она остановилась вовсе не любоваться на себя (на что там любоваться? Прямые, словно солома, волосы, невзрачная внешность). За последнюю неделю она перерыла кучу шпионских фильмов и кое-чему научилась. Вглядываясь в витрину, она еще раз убедилась: за ней следят. Очень скоро Зинаида заметила девушку в элегантном белом сарафане, еле прикрывающем попу. Она появилась, как только Зина вышла из института. Девица сидела в дорогой иномарке, но едва женщина прошла мимо, тут же выпорхнула из машины и пошла следом. До самого базарчика слышался за спиной стук тонких каблучков. Зина встала — она

встала. И явно сканирует ей спину, ждет, когда двинутся дальше.

Накатило отчаяние. Что же это такое? Мало того, что сын Богдан — балбес и хам. Мало того, что жилья нет, с мужем развелась двадцать лет назад и с тех пор ни одного по-настоящему стоящего ухажера так и не заимела. Мало того, что каждую копейку считать приходится, а зарплату задерживают постоянно (ни у кого не задерживают, а в их частном институте постоянно задерживают!). Так еще и эта слезка. Все один к одному!

Зина заметила неладное две недели назад. Сначала угоривала себя, что мерещится. Посмеивалась над собой: «Кому ты нужна, старая кошелка, следить за тобой? Детективов начиталась?»

Потом было нападение. После работы она ходила на массаж — позвоночник разболелся. За триста рублей десять сеансов — дешевле только даром и только потому, что клиника недавно открылась в тихом дворике, в полуподвальном помещении. Еще не раскрутились, не приобрели постоянных клиентов.

И вот она возвращалась с процедуры, умиротворенная и расслабленная, свернула в арку. А там какой-то мужик стоит, курит.

Курит и курит. Пускай себе. Это же не у нее дома сын дымит, так что буквально задыхаешься.

Но когда Зина поравнялась с мужчиной, он схватил ее за руку, швырнул об стену и зашипел:

— Деньги, украшения, быстро!

Первой реакцией было изумление: какие деньги? какие украшения? В кошельке десятка на проезд, она больше и не берет, чтобы не было искушения потратить. Золотые сережки понадобились? Да там грамм золота всего, только чтобы фианит оправить. Или он заподозрил, что это бриллианты? А шелковый шнурок на шее — так на таких обычно крестики носят, ему же не видно, что у нее под кофточкой круглый, похожий на пятирублевую монету медальон. Но даже если бы

видел — это же не золото! Бронзовый сплав какой-то, единственное, что от отца досталось.

Пока она соображала, послышались шаги, и мужика точно ветром сдуло. Она растеряно постояла в арке и отправилась дальше только вместе с другой клиенткой, тоже спешащей на маршрутку.

Сообщить об этом в полицию? А что она скажет? Ничего не украли. Мужика толком не опишет — слишком была напугана. В общем, пришла домой, приняла успокоительное и легла спать.

Начались кошмары. Каждую ночь снилось что-то ужасное, кровавое, хотя утром она сны вспомнить не могла.

А днем постоянная слезка. То дед с бородой чуть ли не до пояса, то парень молодой, чем-то напоминающий ее сына, то пожилая женщина, с тройным подбородком и надменно поджатыми алыми губами, то, как сейчас, девица, будто сошедшая с обложки модного журнала.

Следили профессионально: стоило Зине заметить что-то пристальное внимание, как человек исчезал и дальше ее вел уже другой.

Потом опять происшествие. Спешила на работу, только вышла из дома, тут Богдан на балкон выскочил, встрепанный со сна, и заорал на всю улицу:

— Мать, ты денег-то мне оставила?

Она притормозила, чтобы прошипеть еле слышно: «Какие деньги? У меня десятка на проезд!» Но не успела ничего сказать, в шаге от нее на землю брякнулся кирпич. Она, вытаращила глаза, сообразив, что не позови сын или не остановись она, чтобы ответить, — сейчас лежала бы с проломленной головой.

И снова слезка.

Это совершенно выбило Зинаиду из колеи. Она плохо спала, не могла нормально работать, а теперь и со всеми ссорилась. Следовало что-то предпринять. И сегодня она решила на отчаянный поступок. Дотронувшись до папиного талисмана на счастье, она вышла с базарчика, не обращая внимания на топающую следом уже бабу,

а не девицу, но свернула не направо, к остановке, а налево, в отделение полиции. Она предполагала, что сейчас будет выглядеть смешно и жалко, но другого выхода не нашла. А уж когда бабка, заметив, куда Зина направляется, воровато оглянулась и с необычайной резвостью рванула в кусты, и вовсе воспряла духом. «Напугалась, значит?» — женщина удовлетворенно дернула на себя дверь.

В отделении было необычно тихо. За стеклом скучал усталый дежурный, чем-то напоминавший ее саму, только в мужском варианте: такой же блеклый и безрадостный. Она вновь почувствовала себя глупо, но тем не менее склонилась к окошечку:

— Жалобу можно оставить?

— Какую жалобу? Заявление? — равнодушно спросил дежурный, не трогая ручки.

— Да-да, заявление. Я понимаю, что выгляжу душой и, возможно, сумасшедшей, — сбивчиво начала женщина, — и я знаю, что у вас есть негласное правило «когда убьют, тогда приходите», но, возможно, меня и в самом деле скоро убьют. Не могли бы вы мое заявление в книгу номер два записать? Вам же легче расследовать будет...

— В какую еще книгу номер два? — сдвинул брови дежурный.

— Понимаете, — как можно вежливее объясняла Зинаида, чтобы полицейский не заключил, что она издевается или умничает, — я работаю в издательстве тут недалеко. Издательство при Институте экономики, социологии и права, ВИЭСП сокращенно. Вот тут, рядышком, в здании суда. И я постоянно редактирую статьи на юридическую тему. И недавно в одной такой прочла, что у вас должно быть две книги. В книгу номер два вы должны записывать заявления, которые поступают. Потом они должны проверяться, и те, которые подтвердились, должны вноситься в книгу номер один. Вот вы мое заявление запишите, пожалуйста, в книгу номер два.

— В КУСП, что ли? — недовольно уточнил он.

— Я не знаю, что такое КУСП, — призналась Зина. — У меня в статье было написано «книга № 2».

Дежурный вздохнул, взял все-таки ручку и достал журнал. Был ли там номер на обложке, она не заметила.

Ох, и ушлая бабенка. Никогда Пихлер не предполагал, что с ней будет столько возни. На вид тихоня и дура, обычная забитая жизнью тетка, которая умрет и сама не заметит. Но на деле... Или Радим ей все-таки рассказал что-то перед смертью? Да нет, не может быть. Не таскала бы она тогда ключ на шее. Ведь наверняка недоразумения у нее в жизни от этого ключа. Такие вещи надо запрятать подальше, в банковский сейф например, чтобы флюиды, так сказать, не долетали. Тогда, глядишь, прожила бы она долго и счастливо, и лет пятьдесят никто бы не догадался, куда же пропал ключ от цомты.

Хотя, если честно, для тех, в ком нет магической искры, ключ не так и опасен. Максимум, что он сделал Зинаиде, — это усилил страх перемен, затуманил сознание, чтобы она не могла здраво оценить свои поступки... Вот если бы тетка магом была хоть чуть-чуть, тогда бы он сильнее ударил, вплоть до смерти владельца. Но магическую искру разглядеть легко — она сразу внимание привлекает. И чем сильнее человек привлекает внимание, тем сильнее в нем магический огонек. Так вот эта баба могла бы стать чемпионом по незаметности. Ее забудешь через пять минут после общения и второй раз столкнешься — не узнаешь, так что с магией ей не перепало, — ее счастье.

Но внимательности, хитрости — в избытке. Он следил за ней уже две недели и считал, что забрать ключ будет парой пустяков. Не тут-то было. Он менял внешность каждые полчаса, следуя за ней. И каждый раз Зинаида его отслеживала. Что это? Он совсем разучился работать или у нее нюх особый?

Пихлер Севастьян Шахович, которого, в зависимости от субординации, кто-то звал по фамилии, кто-то по отчеству, а кто-то Севой, тридцать лет нелегально проживал на каторге. Родной мир по классификации людей

представлял опасность третьего класса. Люди сделали пограничный кордон, изо всех сил сдерживая натиск опасных для них существ. Да только проскользнуть все равно можно. Через любую границу можно проскользнуть, если умеючи. А поскольку Сева среди соотечественников не выделялся ни особой силой, ни умом, прямая дорога ему была в миры класса 1 или 2. О том, что удастся обосноваться на каторге, он даже и не помышлял. Но быстро убедился, что, как ни странно, это самое безопасное место.

С самого начала он облюбовал Волгоград. И теперь находился в зрелом возрасте — 52 года. Хорошо сохранившийся: поджарый мужчина с пышными усами типичной кавказской внешности, он пользовался успехом у женщин, но редко с ними сближался. В отличие от каторжан, его сущность не сдерживалась никакими магическими заклятиями и могла проявить себя в самый неподходящий момент. Поэтому он начал подумывать о том, что пора бы и на покой. Оставит дело на какого-нибудь сообразительного человечка, если уж никого другого достойного доверия не найдет, уедет на родину, женится там, заведет наконец потомство и будет пользоваться плодами трудов праведных. Или неправедных, тут кому как нравится.

И тут надо же — попалось ему это дело. Если он его провернет, денег привалит столько, что и внукам хватит. Цомтта — она же бесценна. Эйнхерии¹ драться будут за право купить ее. Когда Сева в первый раз ступил на каторгу, он был одержим желанием отыскать ее. Двадцать пять лет назад он оказался в шаге от исполнения мечты, но прокололся. Радим Харин — тоже нелегал, но идейный — что-то заподозрил и быстренько цомтту продал. Продал тайно, без посредников. И попытки не помогли выведать у него хоть каплю информации. Сева был уверен, что

¹ Эйнхерии — их также называют Рыцарями. По внешности похожи на людей, но обладают гораздо большей силой, как физической, так и магической. Из-за внешнего сходства с людьми их часто принимали за души умерших воинов, но к роду человеческому они отношения не имеют, людей презирают.

он только потому и продал цомтту, что оставил при себе ключ, так что в любой момент смог бы вернуть артефакт. Но чутье у Харина было развито отменно: до того, как Шахович до него добрался, он припрятал и ключ. Перестраховался: цомтту в одно место, ключ в другое. А потом благополучно помер, так что Пихлер получил жалкие сто тысяч рублей. Тогда тоже сумма неплохая, но по сравнению с тем, что ему обещали эйнхерии, — крошки с господского стола. Однако они помогли ему укрепиться, создать сеть осведомителей и агентов и в конце концов стать некоронованным королем Поволжского региона каторги. Да еще и такого, которого никто и никогда не опознал бы. И даже сотрудники каторги до сих пор знать не знали, слухом не слыхивали, о том, что налажен здесь устойчивый бизнес по взлому официальных заклятий, установке новых, незаконной торговле и контрабанде артефактов, продаже гражданства таким же, как он, нелегалам и многого, многого другого.

Но, занимаясь делами, он никогда не забывал о деле всей жизни — цомтте. Выискивал ниточки, чтобы определить человека, который имел возможность заплатить такие большие деньги за артефакт. Ведь, как ни крути, не так много их было в те годы...

Второй раз удача пришла к нему тринадцать лет назад. Шахович вычислил, а его осведомители подтвердили, что владеет цомттой не кто иной, как Юсифов Челеби-бек Аликпер оглы. Эта семья никогда не бедствовала — все-таки потомки азербайджанских князей, если «перевести» титул «бек» на более понятный язык. И сейчас сын Челеби занимал высокий пост в каком-то министерстве Азербайджана. Сам же старик в смутные времена переехал в Россию. И не куда-нибудь, а купил особняк в Волгограде. Опять Сева был в шаге от цели. Он сумел втереться в доверие к Юсифову и увидеть цомтту своими глазами. Очень красивая штучка. Поэтому хозяин и отказался ее продать. А значит, эти знания были бесполезны. Цомтта — один из тех артефактов, которые застрахованы от кражи

собственной магией. Украдешь ее — она через сутки вернется опять к хозяину. Заставить отдать шантажом и угрозами тоже нельзя. Цомтта очень чувствительна к внутренним порывам хозяина. Только если он от всей души желает с ней расстаться, состоится сделка. Только кто же добровольно с такой красотой расстанется? Цомтта очаровывала всех. Только у Харина хватило сил продать ее, хотя он и понимал при этом, что подписывает себе приговор.

Выходит, без ключа до цомтты не добраться. И Пихлер стал искать ключ. Есть в этом хитром артефакте углубление — вставь туда ключ, и цомтта признает хозяином тебя. Сева раздал описание ключа всем агентам. Пообещал десять тысяч долларов за сведения о его местонахождении. Но ключ пропал, словно его и не было. И тут, две недели назад — чудо!

Есхот¹, отрубивший на каторге семь лет и получивший статус ссыльного, ушел работать в массажный салон. Там-то и заметил он похожий по описанию медальон на шее у одной из пациенток.

Убедившись, что его не обманули, Шахович честно расплатился с есхотом и сделал три вещи. Сначала связался по Интернету с неуловимым Лексом, недавно появившемся в криминальном мире, но уже прочно завоевавшим репутацию самого успешного и честного вора, легко справлявшегося с самыми сложными кражами. Потом по другим каналам связался с эйнхериями. Двое откликнулись моментально и предложили за цомтту такие

¹ Есхот — существо, внешне похожее на человека, но принципиально иначе контактирующее с миром. На голове у есхотов тонкие, подвижные рожки с шариками на конце, похожие на принимающие антенны. Ограничивающая магия, применяемая на каторге к каторжанам и заключенным, эти рожки скрывает, вместо них для питания им выдается браслет с металлическими шипами, выполняющий ту же функцию, что и рожки. Для жизни есхоту необходимы человеческие эмоции, неважно положительные или отрицательные. Если увлечется поглощением их, может опустошить человека так, что тот впадает в депрессию и умирает. Класс опасности 2.

деньги, что Пихлер не стал жадничать и остальным отказал. В погоне за золотом можно потерять голову.

Сева все просчитал. Одному Лексу никак на эту кражу идти нельзя. Не потому, что не справится — справится, и еще как. Но очень уж трудное дело предстоит самому Пихлеру: проскользнуть между молотом и наковальней, всех подставить, а самому вывернуться. А потому пригодятся и человечки, которых он прикормил. Павлик Токарев с дружками. Они мальчишки шустрые и недалекие, любое задание выполняют. Не за страх, а за совесть. Ну и за деньги.

А третьим шагом стала попытка получить ключ. Он, в отличие от цомтты, особой чувствительностью не отличался. Его вполне можно было отобрать или снять с трупа. Но ничего у Севы не вышло. А теперь полоумная тетка взяла да и отправилась в полицию. Конечно, в этом отделении сидят обычные люди, которые ловят обычных преступников и понятия не имеют о каторге. Но хоть один сотрудник каторги там тоже имеется. И он наверняка просматривает жалобы, чтобы обнаружить то, что стоит внимания начальства. А Шаховичу светиться никак нельзя. Поэтому, как только Зинаида вошла в здание отделения полиции, он спрятался, на ходу изменился, приняв обычную внешность седоватого кавказца, и отправился к машине.

Завтра понаблюдает за теткой, если уж совсем ничего не получится, придется поручить и это Лексу. Доплатит ему за дополнительное беспокойство, чего уж там.

Стерва

Командировка в Саратов удалась на славу. Официально Регина выпросила ее, чтобы обменяться опытом с коллегами из соседней области. Неофициально — чтобы посетить подругу, которую не видела лет сто, у той был юбилей — тридцать лет. В их районе как раз наступило необычайное затишье: никаких убийств, покушений и вообще ничего серьезного. Нет, люди били и резали друг друга по-прежнему. Она имела в виду ничего, что касалось бы ее непосредственных обязанностей: не было преступлений, совершенных каторжанами, ссыльными или нелегалами, поселившимися на каторге. Зная по опыту, что подобное затишье бывает перед бурей, Регина и сделала себе маленький подарок.

В гости она отправилась на собственной машине. Водительский стаж у нее пять лет, лихачить никогда не любила, даже наперегонки в детстве не бегала. Такой путь — без излишней спешки, без обгонов по обочине, иногда выключив кондиционер, с открытым окном, чтобы запах горячей степи бил в лицо, — для нее несколько не хуже, чем посиделки с подругой. Настоящий праздник. Она и отпуск обязательно проведет в дороге. Хоть несколько дней.

Единственное, что портило настроение — новенький Форд Фокус. Она выбрала машину, на которую давно заглядывалась: серебристый, просторный внутри, но изысканный снаружи. Купила его, несмотря на то что Кирилл

предупреждал: в автосалонах продают сплошное дерьмо, а Форд — вообще бюджетник. Он предлагал самой в этом убедиться, опросив опытных людей. Но она в очередной раз психанула, вообразив, что Кир хочет ею командовать, и сделала по-своему. Как же она ругала теперь себя! Не девочка ведь уже, тридцать три в этом году исполняется, первые морщинки скоро появятся. А она никак не справится с травмой от развода семилетней давности и агрессивно реагирует на попытки ею управлять. Даже если эти попытки привиделись и по сути являются лишь заботой о ней.

Регина глянула в зеркало: осветленные соломенные волосы, туго стянутые в хвост, блекло-голубые, почти бесцветные глаза. А если прибавить к этому ненависть к юбкам и платьям и фигуру девочки-подростка, то становится совершенно непонятно, что Кирилла в ней заинтересовало. Ведь он-то как раз устроит любую женщину — эlegantен, как рояль, прокурор, а не абы кто. Почему он с таким упорством не замечает ее хамства, нежелания сблизиться, заводить какие-то отношения, кроме служебных? Она вообще замуж не хочет! Наелась на всю оставшуюся жизнь. Она вон с Куклой — спецназовцем-эльфом — встречается раз в месяц и больше ей ничего не надо! И Кукла ее устраивает именно тем, что молчит, не лезет в душу, не учит жить, не окружает заботой. Пришел — ушел. Все чудесно!

До Волгограда оставалось еще километров сорок, а мотор опять начал чихать. Третий раз за дорогу. Сколько же можно! Хоть бы до города дотянуть...

Она так внимательно слушала мотор, что чуть не пропустила машину, приткнувшуюся на обочине в неполюженном месте. Прямо на желтой полосе, обозначающей запрет стоянки, расположилась зеленая семерка. Возле открытого капота копошился молодой мужчина, рядом вертелась его жена, отчаянным взглядом проводившая ее автомобиль.

Регина сбавила скорость и взяла рацию.

— Двадцать четыре двадцать вызывает дежурного, прием.

— Я дежурный, прием.

— Вы в курсе, что в запретной зоне стоит автомобиль?

— А чего сразу я? — раздался обиженный голос. — У меня дел за гланды. У обычной полиции это, между прочим, тоже запретная зона, пусть они и разбираются.

— Обычная полиция вряд ли знает, почему на самом деле эта зона объявлена запретной. Так что разобраться придется вам. И немедленно.

— Слушаюсь, — а дальше прошелестел, но явно в расчете на то, что она все-таки услышит: — Стерва!

Регина досчитала до десяти, чтобы успокоиться. Да, ее за спиной называли стервой. Но вот так публично оскорблять себя она не позволит. Если не хочет, чтобы в следующий раз над ней хихикали.

— Ваш номер, дежурный, — произнесла она после паузы.

— Десять восемь семнадцать, — с невыразимой тоской отозвался парень.

— Я напишу рапорт об оскорблении старшего по званию, сержант. Отбой.

Несколько минут ее крутило от ярости, так что потребовалось сделать несколько глубоких вдохов. Интересно, он так хамил, потому что она женщина, а они априори дуры и истерички?

Эта мысль неожиданно принесла облегчение. Ведь он мог и не хамить, а наоборот быть изысканно вежлив, потому что она — Нарутова. Нет, пожалуй, она не будет писать рапорт. Такое хамство дорогого стоит.

Тем более, скорее всего, эта «неположенная» машина действительно сломалась. Никакого криминала. Если Форд — плохая машина, то семерка — это вообще не машина. Отечественный тазпром. Была, конечно, маленькая вероятность, что эта невинная сцена — приманка. Стоянка там запрещена, потому что на берегу водохранилища

большое поселение богинок¹, предпочитающих болотистые места. За ними маги присматривают, но много каторжан в одном месте всегда опасно. Криминальный район. Поэтому ей категорически нельзя было останавливаться и разговаривать с бедолагами из поломанной машины. Пистолет пистолетом, но если тут беглые или агрессивно настроенные ссыльные, она с ними не справится. Она то человек.

...До Волгограда она добралась к обеду. Заскочила домой, быстро искупалась и переоделась: вместо любимых джинсов и футболки — классические черные брюки и белая блузка. Потом заехала в автомастерскую — там отработывали наказание два каторжанина. Можно было и в другую пойти — какая разница кому платить? — но здесь все же надежнее. Хотя мастерская пугала, очень уж была, мягко говоря, страшненькой: на Второй Продольной в черед некрашенных покосившихся деревянных заборов, точно железный зуб среди пластмассовых, торчали гаражные ворота. Сейчас они были распахнуты, и на внутренней стороне красовалась надпись, сделанная белой краской: «Ремонт автомобилей, шиномонтаж, отечественных, иномарок». На второй половинке ворот дополнение: «Круглосуточно. Недорого». Судя по почерку и содержанию, казалось, писал пьяный кавказец. Каждый раз, глядя на это художество, Регина размышляла, обслуживается ли кто-нибудь тут и как в противном случае удастся каторжанам отработывать преступление на благо человечества? Или их специально отправляют в такие места, где они не смогут

¹ Богинки (2 класс опасности) — болотные женские демоны, ворующие новорожденных детей. Живут возле рек, болот и прудов, нередко они живут в лесах или глубоких оврагах неподалеку от человеческих поселений. Они появляются в облике уродливых дряхлых старух с огромной головой, большими отвисающими грудями, раздутым животом и искривленными ногами. Вместо зубов из их сморщенных ртов выглядывают ужасные клыки. Иногда они могут принимать обличье высоких стройных девушек с бледными лицами или же превращаться в диких животных. Богинки нередко наводят порчу на людей и домашнюю скотину, способны наслать тяжелые болезни, уведат с дороги усталых путников;

работать легко, без забот? Вероятно, так и есть. Пусть скажут спасибо, что они в Волгограде наказание отбывают, а не в Магадане.

Она приткнула Форд возле распахнутых ворот и открыла окно, высматривая знакомого.

Сару¹ первый ее приметил. Необычной дергающейся походкой направился к машине. Вертя головой, склонился к окошку, так что сморщенное, как печеное яблоко, лицо оказалось в десяти сантиметрах от нее. Визгливо заинтересовался:

— Опять проблемы с машинкой? Плохая машинка, — неясно, чего в тоне было больше: добродушного подшучивания или издевки. — Продать надо машинку!

— Опять проблемы, — согласилась Регина, открывая дверь и отодвигая таким образом от себя каторжанина. Он был раздет до пояса и смуглое почти до шоколада тело, тоже было сморщенным, будто неделю назад сару был толстым и резко похудел. — Пока не могу ее продать, не накопила на Ауди. Посмотришь, Фин?

— Какой разговор! — он суетливо потер руки, тут же полез в капот. Передумал, закрыл, сел на водительское сиденье, загнал машину в гараж — Регина только завистливо цокнула: она не умела так красиво вписываться в узкое пространство. Снова открыл капот, повернулся к ней — на все ушло минут пять. В этом каторжанине даже с ограничивающими заклинаниями сильно проглядывала его истинная природа. А то, что его ограничили, показывала татуировка на левом плече: большая, размером с блюдце. На складчатой коже рисунок выглядел довольно странно, но все же можно было разглядеть обезьяну в круге с тремя лучами. Это значит, еще три года он будет каторжанином,

¹ Сару (1 класс опасности) — обезьяны-оборотни. Превращаясь в людей, обезьяны выглядят как пожилые люди, очень умные и знающие, но несколько странного поведения. Очень любят большие компании, в некоторых легендах даже спасали людей только для того, чтобы с ними пообщаться. Легко впадают в гнев, но быстро отходят.

а потом станет ссыльным, отправится на вольные хлеба: сможет сменить работу, город, вызвать к себе жену и детей, если захочет. И если они захотят. Но три года у полиции будет классный мастер. Кто бы мог предположить, что у сару такой талант к ремонту машин?

— Сильно плохо? — поинтересовалась женщина.

Он скорчил смешную гримасу, которая могла выражать как ужас, так и улыбку.

— До вечера ножками ходите? К вечеру пригону вам на работку. Или к квартирке лучше?

— Нет, на работу в самый раз. Я могу задержаться.

— Ну и отличненько, — он снова задвигался весь разом, словно суставы были заменены подвижными шарнирами.

— Спасибо, Фин.

Регина постояла немного на дороге, а затем решила, что до отделения пройдет пешком: если срезать наискосок, через дворы, она, пожалуй, даже быстрее, чем на маршрутке доберется.

Она любила эти уютные дворики. Дома хоть и были построены при Хрущеве и, конечно, по-дурацки построены, но в них поселилась какая-то доброжелательность, домашняя уютность. Ее двухкомнатная квартира тоже в таком доме находилась, и менять ее она не собиралась. Сделала ремонт, объединив кухню и зал и разделив туалет, и теперь ее все устраивало. Она редко натыкалась на новостройки, которые вызывали бы желание пожить в них. В основном они казались холодными и чужими. Там даже деревьев во дворах нет. А здесь повсюду тутовник, абрикосы: и тень, и свежий воздух, и еда для ребятишек. Что удивительно, никто животами не мучается, хотя едят немые, а порой и зеленые фрукты. Положительная энергетика, не иначе. Лет десять назад она бы посмеялась над «положительной энергетикой». А теперь... Поразительно, как много из того, что в детстве она считала фантазиями, оказалось правдой. Другой мир совсем рядом. Как Финнтен-каторжанин, которого друзья звали Финном.

Она многих каторжан знала по имени. Точнее, знала, как их звали в другом, их собственном мире, но обращалась к ним таким образом редко. Только если каторжанин по-настоящему ей нравился. Сару она жалела. Обычно его раса не вредит людям, может только похулиганить. Но у Финнтена такое хулиганство окончилось смертью человека, и он попал сюда. Получил пять лет каторжных работ — два года назад лучей на его плече было столько же.

Дворики закончились, теперь еще метров пятьдесят вдоль магазинов — и будет ее отделение.

Первое, что она заметила, ступив за неприметную дверь между почтой и хлебным магазином, — это портрет преступника в профиль, анфас и вполоборота. В отличие от обычных отделений полиции, у них таких портретов было немного, и если он висел у входа, где могли видеть и случайно входящие, значит, дело серьезное.

Регина задержалась ненадолго. Антипов Алексей Николаевич, 25 лет, вор-рецидивист. Информации немного, ровно столько, сколько можно знать непосвященному.

— Что это у вас, Платон? — кивнула она на доску, поздоровавшись с дежурным.

— Гастролер, — равнодушно просветил он. — Оперов на уши поставили, он ведь по мелочам не разменивается. Благо заняться пока нечем.

— Ясно, — она прошла за вертушку.

«Вот почему дежурный не хотел отвлекаться на мою просьбу. Наверняка шмонал машины, пытаясь задержать преступника. Как он выразился? “Дел за гланды”. Правильно я решила не писать рапорт на него...»

Прежде чем пройти в кабинет, заглянула к операм.

Незаметно было, что их поставили на уши, и они с ног сбились, разыскивая беглого каторжника. Опера дурели от безделья. Когда она открыла дверь, двое из них пустили самолеттики. Один чуть не попал ей в глаз. Другие двое с надрывом обсуждали какую-то книгу, а последний ожесточенно дергал мышкой, сидя за компом. Наверняка в стрелялку играл.

— Здравствуйте, драгоценная Регина Юрьевна! — заголосил Женя Ерохин.

Его звали Хорь, потому что всегда заросший и юркий. А по природе ему полагалось какое-нибудь птичье прозвище — он карс¹. Измененным Регина ни разу его не видела и вряд ли увидит — сотрудники каторги добровольно накладывали на себя ограничивающие заклатья. Как и следовало ожидать, самолетики с ним пускал Илья Зорин, тоже из породы «птичьих», хотя и полная противоположность Жене по внешности: интеллигентный и кажущийся трогательно наивным Зорька — тэнгу². Книгу обсуждали слабенький маг Захар (не хватало силы, чтобы стать магом-надзирателем) и эльф Матвей. Оба коренные жители каторги. Предки Захара всегда жили здесь и работали в системе. Матвей родился на каторге — отец у него прокурор, а мать — следователь по особо важным делам. Поскольку эльфы старели медленно, сейчас они мало отличались по внешности от сына, поэтому каждые десять лет переезжали в другой город. Сейчас служили в Москве.

Захар громко разорался:

— Ну не могу я это читать! Бред же какой-то. Что ж это такое? В каждой книге только и читаешь: полуэльфы, полугномы, полудраконы, на четверть маги, на восьмую часть инкубы... Да не могут же разные расы давать потомство. Это как обезьяну с крокодилом спарить! Если изошряться — секс возможен. Но детей-то не будет! Разные гены... Да все разное, етишкин пистолет!

— Чего ты так кипятишься? — снисходительно урезонивал его красавчик-брюнет Матвей. — Напиши автору: «Ты дурак!»

— Да я написал, — как-то сразу сник Захар.

¹ Карс — птица гигантских размеров с человеческой головой и большим клювом; позади рук с длинными когтями растут два мощных крыла.

² Тэнгу — человекообразные существа с длинными красными клювами и иногда крыльями — помесь человека и аиста, очень обидчивы, но прекрасные воины.

— Что прям так и написал? — эльф выгнул изящную бровь.

— Ну, не так грубо, но смысл такой.

— И что? — заинтересовался Матвей.

Отчаянно барабанивший по клавишам гном Тарас, которого непосвященные принимали за крепкого мужчину, которого Бог обидел ростом, тоже вскинул заинтригованно голову.

— Да ничего, — совсем уныло ответил маг. — Это же люди! Им разве что-нибудь докажешь? Они же самые осведомленные!

— Кхе-кхе, — поджав губы, снова обратила на себя внимание Регина.

— Извините, Регина Юрьевна, — тут же смутился Зак.

— Если я не очень сильно отвлекаю вас от работы, — сухо продолжила она. — Могу я спросить, что вы нарыли по делу того красавчика, что висит в коридоре.

— Мы работаем, Регина Юрьевна, — Тарас быстро дернул мышкой и встал из-за стола, изображая полное внимание. — Дали задание нашим агентам. Пока ждем сведений от них. Завтра вплотную засядем.

«Или послезавтра», — завершила Регина про себя.

На вид гному было около пятидесяти, де-факто подкапывало к ста, и еще лет двадцать он точно прослужит опером, тем более, в отличие от Ильи и Хоря, которые лет через пять покинут каторгу, чтобы обзавестись семьями, ему спешить некуда. Он не так давно женился на милой женщине, вполне себе человеческой сущности, даже не подозревающей об истинной работе мужа. Они усыновили мальчика из детдома.

— Хорошо. Пока вы ждете, я тоже на него взгляну, — так же сухо откликнулась она.

— Пожалуйста, Регина Юрьевна, — Илья протянул ей тонюсенькую папку. — Может, и нам задание дадите.

— Благодарю за разрешение, — она быстро просмотрела документы — материала набралось пока немного. Вернула папку Илье и отправилась в кабинет. Надо теперь

к Угрюмову — начальнику отделения. Пусть отдаст ей это дело в разработку. Он же знает, что Регина без работы умирает.

Направляясь к начальнику, уныло себя ругала. Вот за это ее и называли Стервой. Пришла, испортила ребятам настроение. Подурачились бы денька два, потом бы наверстали. Часто ли они отдыхают? А вот жизнью рискуют если не каждый день, то раз в месяц определенно. Но беда в том, что она единственная женщина в следственном отделе и почти единственный человек. Секретарши-магички не в счет. У них магии хватает лишь на то, чтобы любого мужчину в постель утянуть (он при этом не замечает ста килограммов избранницы и диву дается, с чего это так влюбился), но все равно нос задирают и людьми, как и Захар, себя не считают. Так что «чистый» человек, без малейшей магической искры, только она. А еще у нее папа — маг-надзиратель по европейской части России. Вот и приходится чуть ли не ежечасно доказывать, что ты здесь не потому, что у тебя мохнатая лапа. Что ты не будешь получать звания за счет этих парней. Что ты чего-то стоишь. Можно было доказывать как-то менее агрессивно, но Регина пока этому не научилась.

Перец с солью

Про «Культуре» шла «Большая опера». Не самая любимая передача, но каналы на кухне никогда не переключали, тут даже и пульта не было для этого. Леся убавила звук, нажав кнопку на панели, и достала с полки терку. Морковь она уже вымыла.

Телевизор на кухне стоял для мамы. Она любила только канал «Культура». И еще мама испытывала чувство вины, если садилась перед экраном и ничего не делала. А включить его, пока готовится обед, — самое то. Полезное с приятным. Мама уже два года сидит дома — братец настоял. Пришел и наехал: «Сколько ты получаешь уборщицей? Пять тысяч? Я буду платить тебе десять, только, пожалуйста, сиди дома, с отцом».

Мама не обиделась. Родители на Павла вообще никогда не обижаются. Лесе тоже не нравилась мамина работа. С тех пор как на Чулочке¹ сократили половину работников, она так и не смогла устроиться на более достойную должность. Так что Павел правильно сделал. Только он мог бы и помягче это повернуть. Не так грубо. Вот из-за этого они частенько и спорили. Но не только из-за этого.

Леся почесала нос тыльной стороной ладони и опять взялась за морковь. Мама попросила «отдежурить» за нее на кухне. Не такой она человек, чтобы брать с сына деньги.

¹ Чулочно-трикотажная фабрика.

Отдыхала после увольнения она, может, недели две, а потом нашла работу на дому: шила брюки, юбки, постельное белье — все, что приносили. Вчера принесли срочный заказ, она уже несколько часов строчила в гостиной, а Леся варила борщ. Раз уж сессия почти сдана, а курсовая на заказ выполнена, значит, ее очередь изображать из себя хозяйку. Хотя не любила она этого, очень не любила.

Да и сколько там зарабатывала мама, скрючившись за швейной машинкой? На жизнь им с отцом хватало вместе с пенсией, но Павлик в любом случае больше давал. Только деньги брата она откладывала. «Вдруг свадьба, а мы голые совсем!» — сокрушалась она.

Голые! Леся хмыкнула, обведя взглядом шикарную кухню. Если сейчас они голые, то раньше их и нищими назвать нельзя было. Она ссыпала морковь в кипящее на сковородке масло и осторожно кинула терку в раковину. Позже помоеет. Или дружки Павлика помоют. Или подружки дружков. Даром они, что ли, отираются тут каждый день? Только из-за них и готовит такую огромную кастрюлю. Но в первую очередь из-за брата. Если бы не он, не иметь им такого большого дома. Да, стоит на отшибе. Другие коттеджи поселка к ним пока не подобрались, так что с двух сторон до горизонта только степь, а с двух других сторон, метрах в двухстах маячит цивилизация. Не настолько близко, чтобы испортить впечатление. Весной она непременно посадит вокруг дома абрикос и черешню, и пока к ним подберутся соседние домики, они будут жить за стеной деревьев, так что приятный вид из окошка никуда не денется.

Дверь «предбанника», как они называли прихожку перед крылечком, открылась, и в кухню гуськом ввалилась целая толпа.

Леся чуть повернулась к вошедшим, все так же помещивая скворчащую морковку. Первым, как всегда, Павел. Красавец, ничего не скажешь. Волосы черные, глаза темные, но при этом за версту видно — русский, без капли примеси кавказской крови. Хотя, возможно,

татаро-монголы постарались, когда резвились в волжской степи. Но это ведь только по цвету волос и глаз понятно, так что не в счет. За ним — Филипп. Забавный такой с этой узкой темной полоской на подбородке. Но не смешной. Киря очень тонко чувствует стиль. Знает грань между необычным и смешным. И грива густых волнистых волос, так напоминающая известного певца, из-за которого он и кличку получил, не делала его вторичным. Он с головы до ног был самобытен и уникален. Вон тряпочка лоб прикрывает серо-сиреневая в тон толстовке. Где только надыбал такую.

Филипп подмигнул ей, проходя мимо:

— Привет, Леска!

Олеся его проигнорировала. Во-первых, Леской ее имел право называть только брат. Во-вторых, приперлись опять без предупреждения, а теперь прикидываются долгожданними гостями.

Следом, подняв плечи, засунув руки глубоко в карманы и приволакивая ноги, протискивается Эдик Шмат. Противный тип. Внешность дегенерата-убийцы, даром что худенький и невысокий. Если бы Леся не знала его уже лет восемь, когда все четверо в одном классе с Павлом учились, на порог бы такого не пустила.

Четвертый — Димка. Непризнанный поэт, тайно влюбленный в нее, Олесю. Симпатичный парнишка. Но с некоторых пор она с осторожностью относилась к поэтам: обидчивые, самолюбивые. К тому же наверняка стихи у него пишутся именно потому, что любовь неразделенная. Так к чему же лишать этот мир его шедевров? Нет, пусть вздыхает и пишет. К тому же он безобидный. Когда Павел понял, зачем к нему с таким постоянством таскается Ту-кан, сразу с ней объяснился: как, мол, относишься? А Леся ему образно растолковала: будто к дешевой репродукции, мол, отношусь — миленько, но не настолько, чтобы купить в дом. После этого братишка категорически запретил корешу: в сторону сестры даже мыслями не поворачивайся, она себе и получше найдет. Пощадил его, однако.

Может, сказал бы правду, что нет у него шансов, и дело во все не в Павле, он бы и перестал ходить, а тут таскается, лицо опустив, словно красна девица, лепечет смущенно:

— Здравсссте.

Леся, так и не откликнувшись на приветствие, отвернулась и вновь занялась морковкой.

Тоненькая темная фигурка: черная футболка, черные брюки, черные волосы туго забраны в хвост, и глаза, изучавшие входящих, тоже черные. Впрочем, этого следовало ожидать — она похожа на брата. Но если Токарь — барс, то она — олененок. Маленький олененок, не подпускающий никого близко. Не нравятся ей друзья брата. И то, чем он занимается, тоже не нравится, хотя Павел уверял, что ни родители, ни сестра ни о чем не догадываются. Нет, она умна, а потому подозревает. И заранее готовится защищаться.

— Здравствуйте.

Опаньки! Кого еще принесло? Олеся недоуменно оглянулась. Кажется, у Павла появился новый дружок. Интересно, а подружка у этого парнишки есть? Вроде взросленький уже, старше Павла.

Чудной был этот новичок. Высокий, выше Павла, мордашка симпатичная. Но футболка, раза в два больше нужного размера и необъятные штаны портили всю фактуру. Спасибо хоть не замызганный.

— Привееееет! — с неожиданной усмешкой пропела Леся.

— Леся, кто там?

Чуткое мамино ухо уловило изменения в голосе дочери, и женщина догадалась: в доме кто-то чужой.

— Это ко мне, мам! — откликнулся Павел. — Мы ненадолго, — и стал подниматься по лестнице наверх.

Машинка тут же затрещала снова. Остальные в соответствии с занимаемым положением в команде Павла, потянулись следом. Так же, как вошли. Только новенький помедлил. Убедившись, что никто представлять его не собирается, он чуть кивнул.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I. ДО КРАЖИ	7
Что любишь смотреть?	53
Разработка	64
Первый прокол	78
«Тесей»	87
Беда	97
Любимая актриса	109
Кошмар	123
Труп	131
Каторга	137
Одиночество	145
Версии	155
Лечение	162
Тупик	167
Ключ	173
Совесьть	183
Зацепка	189
Генеральная репетиция	196
Милый дом	204
Баггейн	207
Кража	213

Часть II. ПОСЛЕ КРАЖИ.....	223
Похищение.....	224
Требование.....	229
Аэропорт.....	235
Блаженство.....	241
«Вокзал».....	248
Чистка.....	253
Знакомство.....	258
Маги.....	267
Проба.....	277
Место перехода.....	282
Сеть.....	287
Солдаты удачи.....	296
Пир во время чумы.....	301
Помощь.....	306
Питбультеры.....	314
Просьба.....	319
Поиск.....	328
Отец.....	334
Смерть.....	342
Заложник.....	353
Облава.....	358
Рыцари.....	364
Снайпер.....	377
Дом на отшибе.....	384
Сделка.....	388
Трупы.....	393
Развод.....	405
Эпилог.....	414
Вместо послесловия.....	431

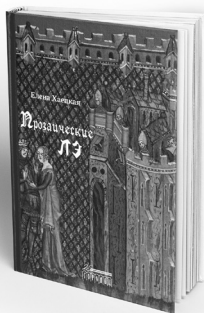
Ванда Алхимова
Семь горных воронов
Цикл «Пять стихий»

Семь братьев из рода Воронов не ладят между собой, но всё меняется, когда в королевство Таумрат приходит война. Теперь у всех лордов-Воронов общая цель: выжить во враждебном мире, узнать тайну могущественной горной ведьмы — их матери, найти королевских дочерей и вернуть им трон. Соперничество и ненависть, любовь и отчаяние — всё перемешалось в сердцах братьев, и ни один из них не знает, удастся ли ему уцелеть в огне битв и буре пробуждающейся древней магии. Смерть или победа — третьего не дано.

Интернет-магазин gorodets.ru

Елена Хаецкая Прозаические лэ

Прекрасные дамы, благородные и отважные рыцари, волшебные существа, олени, ежи и единороги, короли и королевы...

Куртуазные истории в лучшем духе Кретьена де Труа и Марии Бретонской во всей их красоте и жестокости!

Рыцарь Гавейн возвращает себе славное имя, пройдя череду унижений.

Сир Галевин узнаёт, каково это — жить рядом с волком и любить в нём всё волчье и всё человеческое.

Принц Турольд выясняет, легко ли быть сыном чудовища.

Правитель Гардарики Всеволод заключает сделку, за которую расплачиваются его дети и внуки.

Кровь и жимолость, вино и морские валы. Любовь смертных и бессмертных. Чёрное пламя на курганах врагов.

Великолепная поэтическая стилизация от автора «Лангедокского цикла» и «Царства небесного».

Степан Мазур Грани будущего

В подземном мире нет понятия отпуска, но отдыхать нужно и там. Юноша по имени Зиновий с друзьями решили развлекаться и поиграть в виртуальные игры в игровом комплексе, даже не подозревая, что вместо обещанных фэнтезийных миров окажутся за пределами подземного городского купола — на поверхности, где на грани выживания сражаются за свои жизни люди, не попавшие в «золотой миллион», успевший уйти под землю, спасаясь от ядерных ракет, где искусственный интеллект испепелил города, погрузив поверхность земли в радиоактивную ядерную зиму, и где жизнь сурова, а люди просто пытаются выжить, понятия не имея ни о какой виртуальной реальности.

Интернет-магазин gorodets.ru

Алена Даркина

РУГАРУ

Роман

В книге сохранены особенности
авторской орфографии и пунктуации

Ведущий редактор Иар Эльтеррус

Корректор Фролов

Главный художник И. Викторов

Компьютерная вёрстка: Е. Климентьева

Подписано в печать 06.07.2021. Формат 84x108/32.

Печ. л. 12,5. Гарнитура «PT Astra Serif».

Печать офсетная. Тираж 1500 экз. Заказ №

ООО «Издательский дом „Городец“»
105082, г. Москва, Переведеновский пер., д. 17, к. 1

www.gorodets.ru, e-mail: info@gorodets.ru

тел.: +7 (985) 8000 366

Интернет-магазин: www.gorodets.ru

Ирина Абрамова — Родилась в зимнюю полночь в Волгограде в 1974 году. Окончила филологический факультет ВолГУ. В школе влюбилась в Ф. М. Достоевского и пронесла эту любовь через всю жизнь. Работает учителем, потому что, кажется, неплохо получается. Любит подшучивать над собой, а еще детей, людей и жизнь. Начала писать, потому что наткнулась на цитату: «Зачем читать чужие книги, если можно написать свою?»

Наша Земля — каторга для отбывающих на ней наказание иномирян. Странно, но факт. Впрочем, обычные люди об этом обстоятельстве и не подозревают, живя своей жизнью. А вот у надзирателей полно работы, ведь многие из каторжан считают, что осудили их не заслуженно, поэтому хотят отомстить людям. И нужно их как-то остановить...

25 ЛЕТ ИЗДАТЕЛЬСКОМУ ДОМУ

ГОРОДЕЦ

www.gorodets.ru

ISBN: 978-5-907358-96-6

9 785907 358966